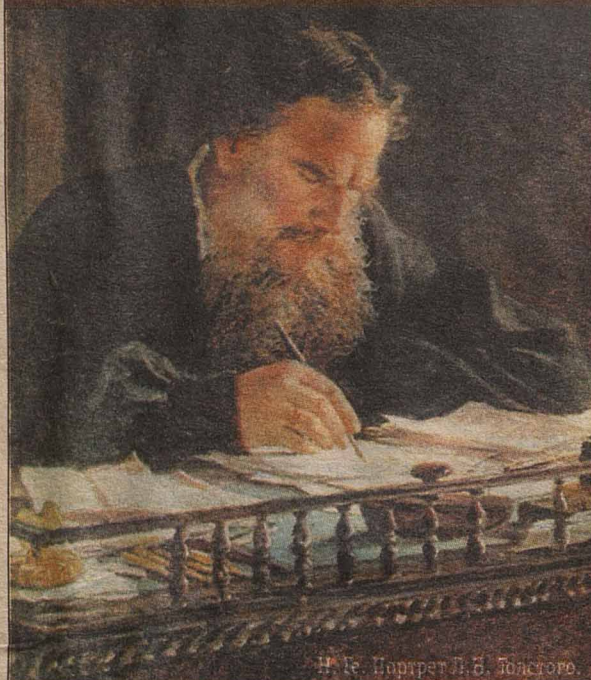

Толстой Л. Н.

11341.09.03
(сент.)

38

Истина

И. Е. Портрет Л. Н. Толстого.

ГЕ ПИСАЛ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА В КАБИНЕТЕ ХАМОВНИЧЕСКОГО ДОМА. Толстой работал в это время над трактатом "В чём моя вера?".

Художник установил подрамник с натянутым холстом, разложил краски и кисти. Лев Николаевич положил перо, поднял голову от бумаг. Он знал, что, когда позируешь, надо разговаривать с живописцем. С Крамским они много переговорили.

Толстой кивнул на свои рукописи:

– Надо досказать то, что начато в "Исповеди".

– "Исповедь" к нам попала, – сказал Ге, обчищая палитру. – Уж мы её переписывали, и стар, и млад. Анечка сделала два списка, я, сын Колечка, племянники и племянницы у нас гостили, даже старушка-тётенька что-то списала к себе в альбом.

Толстой засмеялся.

– Может, издавать уже не надо?

Ге положил палитру, сказал горячо:

– Непременно, непременно надо издавать. Надо открыть людям ложное в их жизни.

– Ещё важнее открыть истинное, Николай Николаевич.

– Да. Да. Истинное. Я только этим теперь живу. Ничего другого не могу ни чувствовать, ни понимать. Вы работайте, Лев Николаевич, работайте, пожалуйста. Я не буду мешать.

– Но вам, должно быть, надо, чтобы я что-то делал, а то как же вы будете писать? – спросил Толстой, однако охотно взял перо и обмакнул в чернильницу.

– Говорите людям свою истину, дорогой Лев Николаевич. Это самое главное. А я здесь, в сторонке.

Лев Николаевич пробормотал что-то невнятно, задержал дольше обыкновенного перо в чернильнице, потом резко вынул его, мазнул, не глядя, кончиком о край чернильницы, чтобы снять каплю, и начал быстро писать, шевеля губами.

Ге тихо и счастливо улыбнулся: Толстой о нём забыл.

Ге свободно откинулся на спинку дивана, легко подобрал глазами всю фигуру склонившегося над столом человека и сразу принял её вот так, как есть; ему понравился строгий, деловой, заваленный бумагами стол, ограниченный, но не отгороженный перильцами на точёных столбиках; взгляд ухватил крупную руку, уверенно ведущую перо. Ге поразила ясность цельности этого вобравшего в себя весь сложный и запутанный мир человека.

Николай Николаевич вспомнил, как накануне, за обедом, Толстой вдруг признался, неловко замявшись:

– Иногда, когда я делаю что-нибудь важное для меня, мне кажется, что сорок веков смотрят на меня с высоты пирамид, что мир погибнет, если я не сделаю...

Кто-то сразу напомнил ему, что в "Войне и мире" он ругал Наполеона за эти слова – "Кутузов никогда не говорил о сорока веках". Лев Николаевич рассеянно выслушал, кивнул головой:

– Ну да, конечно, ругал.

Ге, задохнувшись, подался к нему – такая пропасть лежала между дорогим Львом Николаевичем и небольшим человечком в треугольной шляпе и со скрещенными на груди руками.

Вот, огромный, непостижимый и ясный, Лев Николаевич сидит перед ним и, позабыв о присутствии гостя, шевеля губами, открывает людям истину, без которой погибнет мир.

Владимир Порудоминский